

МАРИЗА СЕЙМУР

«ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ»

Рождественский
БАЛ ГУБЕРНАТОРА

БОНУС К ТРИЛОГИИ
Змей Искуситель

18+

18+

Мари́за Сейму́р

Рождественский Бал Губернатора

«Автор»

2026

Сеймур М.

Рождественский Бал Губернатора / М. Сеймур — «Автор», 2026

Змей вернулся в родной город с одним желанием - оставить прошлое и попытаться наладить свою жизнь. У него даже есть рецепт - работа, работа, много работы. Женщины? Они - к несчастью. Все проблемы из-за женщин. Но что поделать, если только женщины его и окружают? И как среди них не пропустить ту самую, кто точно пошатнет его прежнее представление об отношениях? Ох, ее он точно не пропустит. Но сможет ли пробиться через лед отчуждения? И захочет ли? Может, стоит загадать Рождественское желание на закрытом Балу Губернатора? И что он будет делать, когда оно исполнится? Первая встреча и знакомство героев будущей трилогии "Змей Искуситель". Первая встреча Горячие мысли Рождество Бонус и анонс трилогии "Змей Искуситель". "Рождественский Бал Губернатора" выступит мини-приквелом к будущим событиям.

Содержание

Глава 1. Джон	5
Глава 2. Натали	9
Глава 3. Джон	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мариза Сеймур

Рождественский Бал Губернатора

*Мини-бонус и анонс трилогии "Змей Искуситель" из цикла
"Взрослые Сказки"
Мариза Сеймур*

Глава 1. Джон

— Я рад, что ты наконец-то вернулся в Нью-Йорк и возьмешь управление под свой контроль. Тупой идиот, Хендриксон, загнал компанию ниже некуда! — Томас Андерсен, Сенатор штата Нью-Джерси и довольно большой и уважаемый человек, расхаживал из угла в угол в просторном кабинете, который Джон оборудовал для себя и своей новой должности.

Андерсену в виду должности нельзя владеть бизнесом и получать прибыль, но он умело нашел всех возможных «инвесторов» и «акционеров», чтобы заниматься политикой. Но, к своему сожалению, не мог управлять компанией лично, и никак не находил человека, которому можно доверять даже самые темные вопросы без риска репутации.

Джон несколько лет подряд руководил Западным филиалом «Левентис Групп». Заметив его успехи, Андерсен потребовал его перевод в Нью-Йорк. Джон и сам был не против. Лос-Анджелес ему осточертел, а в Нью-Йорке уже можно начать нормальную размеренную жизнь делового человека.

К тому же он научился сосуществовать вместе со своими родственникам. Отец, кажется, даже смягчился. Еще бы. Тот давно точит зуб на компанию Андерсена. Собственный, хоть и не любимый сын, во главе руля компании в его представлении — нечто вроде Троянского коня. Легко зайдет внутрь и присвоит себе при возможности.

Таких целей, к счастью для Андерсена, у Джона не было. Впрочем, Андерсен также люто ненавидел его папашу, ровно как и уважал. Оба пытались всех вокруг убедить в том, что они — лучшие друзья. На деле — заклятые враги, которые только и ждали удобного момента, чтобы укусь друг друга. Но кто способен обойти Дьявола, руководителя мафии и преступного синдиката такого масштаба, что всяких сенаторов он поедал не прожевывая? В реальности отцу могли оказать сопротивление лишь несколько старых нью-йоркских семей, которых сам Джон старался обходить стороной на всякий случай. Иначе гнев отца не заставит себя ждать. Вся размеренная жизнь Джона опять пойдет по одному месту. А он устал. Он просто хотел жить без криминала. Начать жить.

— Займи вначале должность генерального директора «Левентис Девелопмент», а в следующем году устроим голосование на основное место президента «Левентис Групп». Заодно у тебя будет время устроить охоту на ведьм и понять, почему деньги утекают из моих рук, — Томас — лысеющий седовласый крепкий мужчина в дорогом костюме «Бриони», любимого дома моды политиков, взмахнул кулаком куда-то в небо.

— Ты же знаешь, как много в компании пиявок моего отца. И ты ничего не сможешь им сделать, — намекнул Джон о старой договоренности, когда Томас еще был простым клерком банка «Левентис».

— Но зато сможешь ты. Джонни, тебе давно пора скинуть старого черта с трона, — намекнул Андерсен на переход власти, но тут же осекся, поймав строгий взгляд Джона.

— Я — пас. Только-только начал отмываться от криминальной грязи. Его место займет Чез, и ты прекрасно знаешь это, Том. Чез уже подготовил себе плацдарм и сеть борделей. И ты, между прочим, это покрываешь, рискуя своим честным именем.

Слово «честный» Джон выделил особо резко.

Андерсен покраснел и отвернулся. Конечно, оба дьявола мечтали поглотить друг друга и отчего-то решили, что Джон — прекрасный инструмент в их играх. Нифига.

— Ладно, это мы потом обсудим. Губернатор штата Нью-Йорк зовет к себе на вечеринку в его особняке в Саутгемптоне. «Губернаторский Рождественский Бал» называется. Отличное мероприятия, чтобы показать тебя местным снобам.

— О, нет, — Джон закатил глаза и откинулся на своем рабочем кресле. Лучше он проведет двадцать собраний директоров подряд, чем это. — Давай без меня.

— Ты не девственница, чтобы я тебя уговаривал. Решай сам. Но в приглашении ты есть. Учти это. Не посетишь мероприятие — наживешь себе неприязнь губернатора. А тебе нужно еще с ним договариваться. У нас больница в Бруклине уже лет семь заморожена!

— Шесть, — поправил Джон. И недостроенную больницу и срок он помнил очень хорошо. — Ладно, я подумаю.

— Кстати, что делаешь на Рождество? Лиззи будет рада, если отметишь с нами.

— Все тебе нейдет, Том? — проворчал Джон. — Перестань ей искать мужей. Займись своей жизнью.

— Любой отец мечтает о самом лучшем для дочери.

Сказано так фальшиво и наигранно, что Джона чуть не стошнило. Хорошо, что на столе осталась чашка с недопитым кофе. Черным. Секретарша не привыкла, что ее босс не пьет черный кофе, как предыдущий генеральный директор. Иногда Джон любил капучино, иногда латте, но чаще флэт-уайт с безлактозным молоком. Скажи он об этом секретарше — та в обморок упадет.

Кэрри вообще всего боится. Как видит его в коридоре, так тут же прячется за стойку. Странная, но исполнительная.

Поэтому он удивился, когда, спустя час после ухода Андерсена, к нему в кабинет вломилась Кэрри, поспешно закрыла за собой дверь и прижала ее собой, боясь впустить кого-то, по всей видимости, очень грозного.

— Кто там, Кэрри? ФБР? Спецназ? — повеселел Джон. Надо было видеть огромные испуганные глаза секретарши.

— Хуже! Мишель Роулэнд! — взвизгнула Кэрри. — Она с боем проникла в здание и теперь требует войти к вам. А вы настоятельно просили никого к вам не впускать.

— Открывай, идиотка! Джон — мой друг!, — приглушенный крик за дверью сопровождался глухим ударом по дереву.

Джон хохотал как ненормальный.

Снова эта зеленоглазая фурия стремительно врывается в его жизнь.

— Лучшепусти ее, а то разнесет башню «Левентис» до основания, — сквозь смех попросил Джон. — Спасибо тебе за работу, Кэрри. Ты лучшая. Давно так не веселился.

В этот момент Джон осознал, что надежнее секретаря он себе не найдет. И несмотря на странности, оставил Кэрри работать на него, хотя раньше предпочитал менять личную команду.

Кэрри на счет три резко отпрыгнула от двери в сторону. И в этот момент Мишель Роулэнд по инерции своих ударов влетела в кабинет Джона, едва не оказавшись у него на столе.

— И тебе привет, Мишель, — смеясь, поздоровался Джон, когда девушка все же затормозила перед ним на своих огромных каблуках. Как на них ходила — всегда оставалось для него загадкой.

— Что за цирк? Почему я не могу прийти к тебе на работу? — фыркнула злюка. Черные волнистые непослушные волосы растрепались и торчали в разные стороны. Изумрудные глаза сверкали от гнева, а сочные губы сжались в одну линию. Упрямый подбородок нервно выпятился вперед.

— Не помню, чтобы мы договаривались о встрече, — съязвил Джон. — Знал бы, что ты соскучилась, постелил бы тебе дорожку. В чем дело? Конте оказался скучным праведником?

Джон встал, любуясь Мишель. Каждый раз сердце замирало при взгляде на ее безупречную утонченную и диковую красоту. Высокая, стройная, гибкая и ужасно, просто до невозможности, упрямая.

— Он меня бросил! — выкрикнула Мишель.

— Что? И? Что я должен сделать? Пролететь как маленький Купидончик с сердечками-стрелами и вас помирить? — вот теперь Джон и правда в шоке. Кажется, даже для Мишель это слишком. — Или ты хочешь ко мне? Но...

— В аду я видала такого Купидончика! — вскрикнула Мишель. Ясно, опять на грани истерики. И как с ней Конте справлялся? Ах, да, точно, он уже не справлялся, судя по всему.

— Мишель, я польщен твоим вниманием и во всем тебе помогу, но ты же знаешь, что мы вообще никак не подходим друг другу? В смысле, я твой лучший друг, поддержка, инвестор, почти брат, но не любовник. Мы об этом с тобой договаривались, кажется?

— Ты иногда просто до невозможности бесишь, Джон Ноулз! — Мишель подошла к нему поближе и стукнула по плечу, сжав зубы. — Мне нужна твоя помощь!

— Давай ближе к делу. Я уже понял, что просто так ты не разнесла бы мой офис. Что тебе нужно?

Умела Мишель заинтриговать. Джон уже чуял подвох. Но знал, что не сможет ей отказать ни в чем.

— Ты же из высшего общества Нью-Йорка, верно? Любая дверь, при твоём желании, открыта?

Вообще-то Мишель — выходец из не менее именитой семьи, а ее мужчина так вообще мог открыть ногой не то что дверь, стену сдвинуть.

— Допустим. И?

— Мы с Алексом сейчас как враги. Встречаемся только тогда, когда он этого хочет. Обиделся на меня из-за того, что я приостановила все контракты Дианы Найт. Узнал же откуда-то об этом, зараза! Говорит, что я слишком ревнивая и не доверяю ему.

— Это та самая модель, с которой он много лет встречался до тебя? Но, Мишель, это и правда очень странно. Она же его бывшая, — попытался вразумить ее Джон. Но сам не понял, как он ввязался в диалог уровня дешевого ситкома.

— Прекрасно! Пусть так. А теперь, Джонни, ты найдешь пригласительный на «Бал Губернатора» и сопроводишь меня, как старый любовник. Уверена, ты справишься с этой ролью.

— Да ты что? — Джон покачал головой и прикрыл глаза. — Я жить еще хочу. Не надо меня стравливать с Алексом! Он и так нервничает из-за моего назначения в «Левентис». Ты же в курсе, что мы теперь с ним конкуренты в бизнесе?

— Джонни, твой отказ не принимается! — громко пресекла Мишель. Внезапно осунулась, а удивительные зеленые редчайшей красоты глаза наполнились слезами. — Ты должен мне! Ты помнишь, за что! Я тебя очень люблю. Ты важный человек в моей жизни, и я не держу зла на тебя. Но ты должен!

Джон поморщился, вспомнив старый эпизод почти шестилетней давности. По его вине произошли старые события. Пускай своим поступком он спас ее, но все же... она права. Он должен ей.

— Это опасно, Мишель. Представь, что с нами сделает Алекс на этом мероприятии. Там же вся элита. Политики, банкиры, вершители судеб. А ты хочешь устроить там спектакль «Отелло».

— Не лучшее произведение Шекспира, кстати, — Мишель усмехнулась и озорно подмигнула. — Представь, что Алекс сделает с тобой лично, если узнает о том, что ты сделал.

Джон закатил глаза. Прекрасно. Девчонка Роулэнд теперь шантажирует его за то, что он спас ей жизнь когда-то!

— Ладно. Приглашение у меня есть. Кэрри тебе отправит рекомендации по дресс-коду. Но на этом все, Мишель. Даже как друзья. Расходимся в разные стороны. Никто никому ничего не будет должен. Договорились?

— С тобой приятно иметь дело, Джон Ноулз, — Мишель потрянула головой и, развернувшись, покачивая бедрами в узком черном платье, вышла из кабинета.

Джон присел на краешек стола. Усталость накатила на него с неожиданной силой. Кажется, прошлое не думало его отпускать.

Глава 2. Натали

— Натали, ты слушаешь нас?

Суровая интонация в сухом голосе бабушки насторожила Натали. На протяжении всего ужина она занималась тем, чтобы елозить вилкой по еде и тарелке. Аппетита нет вообще. Как и желания кого-либо слушать или разговаривать.

Дурацкая традиция. Каждое воскресенье все члены известной в высоких кругах семьи Лагранж обязаны собираться на совместный ужин в их историческом особняке в центре Манхэттена. Особняк построен еще в начале девятнадцатого века. Наверное, традиция встречаться по воскресеньям примерно из той же эпохи.

Бабушка Катарина — жена давно почившего дедушки Лагранж, которого Натали никогда не видела. Лагранж не по крови, зато по духу. Ревностно следила за традициями и выполняла долг главы дома, несмотря на двух зрелых сыновей, подаривших ей по паре внуков и внуков.

Да, семья у них небольшая. Зато распространяла свое влияние в двух крупнейших мегаполисах страны — Нью-Йорке и Чикаго благодаря крупной транснациональной корпорации «Лагранж Энтерпрайзес». Каждый член семьи считал своим обязательством ревностно служить во благо их общему делу.

Натали — паршивая овца. Ненавидела семейные сборища, хотя и любила своих родных неистово. Предпочитала в одежде комфорт, а потому чаще носила джинсы и кроссовки, чем официальные наряды. И ни одного дня не проработала в «Лагранж Энтерпрайзес». Самоустранилась и поступила на службу в ФБР, чем немало нервировала отца, бабушку и кузена, тоже жившего в Нью-Йорке, в отличие от его родителей, брата и сестры.

Единственное утешение — в ФБР она добилась звания специального агента, высокое жалование и несколько разных наград от правительства.

Это чуть-чуть смягчало настрой семьи.

Но не сейчас, когда ее лицо промелькнуло едва ли не во всех сводках новостей.

— Тебе пора прекращать этот цирк с твоим подростковым бунтом и играми в федерального агента, — снова завел старую песню отец. — Тебе тридцать. У тебя ни семьи, ни нормальной карьеры. Мужчины от тебя шарахаются, стоит им заговорить с тобой.

— После такого унижения, ты с чистой совестью можешь уйти в отставку и заняться юридическими вопросами в «Лагранж Энтерпрайзес», — поддержал Джейкоб, кузен. Если можно назвать это поддержкой.

— Ага. Буду расследовать уголовные дела. Пропажу степлеров, бумаги и заколок для волос у секретарш, — съязвила Натали. Себя она вообще не представляла среди офисной волокиты, на переговорах или... черт знает, чем они там всем семейством занимались.

— Ничего смешного, Натали Аделин Лагранж! — бабушка, похоже, пребывала в самой крайней стадии ярости. Второе имя Натали — Аделин, бабушка в последний раз вспоминала, когда в их семью нагрянули представители департамента опеки и попечительства. Лет восемнадцать назад.

Натали упрямо схлестнулась с серыми, точь-в-точь как у нее самой, глазами. Бабушка Катарина держала горделивую осанку, приобретенную в годы, когда танцевала в балетной труппе Большого театра в Москве. Заостренный подбородок и побелевшие от напряжения тонкие губы. Неизменный идеальный пучок из темных, посеребренных сединой, волос. Кожа, хоть и с морщинами, но мягкая и сияющая, ухоженная. Бабушка всегда следила за своим здоровьем, питанием и внешностью, что позволило пережить ее мужа практически на тридцать лет.

— Я гордилась, видит бог, гордилась каждым твоим успехом в Бюро! То, что произошло — ужасно! Тебя едва ли не обвиняют в убийстве ребенка и полощут имя Лагранж в каждой жалкой желтой газетке! А что за спиной? Одиночка, без семьи, даже кошки нет! Родствен-

ников не поддерживаешь. У тебя даже репутации нет. Каково мне слышать, что моя любимая Натали — хладнокровная убийца, застрелившая троих, но не спасшая от пули ребенка?

Натали мысленно представила улыбку «Джоконды» и растянула уголки губ. Убийца? Что поделать. Это факт. Застрелила троих? Эх, бабуля, ты даже не представляешь, сколько их было на самом деле в других случаях. И нет, угрызений совести она не испытывала. Выполняла, как солдат, свой долг беспрекословно.

Но в чем-то бабушка права. Возможно, для молодой женщины из богатой семьи это слишком. Ей все равно на свою репутацию, но имя своей семьи подставлять не хотела.

— Я подумаю, — коротко отрезала Натали. Она вообще не отличалась многословием. Только если ее взбесить или заставить говорить.

— Подумает она! — даже выдержка бабушки ей изменила. Плечи осунулись. Горящий взгляд потух. Она откинулась на стуле и тяжело вздохнула. Но тут же озорно улыбнулась, словно ей пришла на ум потрясающая идея. Это еще хуже, чем ее суровая интонация и «Аделин». — Скоро состоится традиционный Рождественский Бал Губернатора. И ты на него пойдешь.

Натали зря в это время пила игристое вино.

Она захлебнулась и закашлялась. Пузырьки газа неприятно защекотали нос. Глаза заслезились.

— Что, прости? — переспросила Натали в надежде, что ослышалась. Разные семейные мероприятия — это одно. Прием у губернатора — совсем другое. Ее выставят как невесту с приданым — именно это бабушка и задумала. Видела по коварной улыбке и хитрому прищур.

— Лорен, нужно подобрать Натали образ и шикарное платье. Все, кто туда придут, должны видеть гордую, несломленную и не покоренную Натали Лагранж, — скомандовала бабушка жене кузена, Лорен.

Только не Лорен.

Икона стиля. Любимица журналистов. Джейкоб гордился союзом с этой идеальной женщиной и всячески демонстрировал ее едва ли не на каждой встрече с партнерами и политиками.

Лорен обязательно напаялит на нее что-то дико откровенное и сексуальное в тайной надежде, что Натали зацепит какого-нибудь банкира и остепенится.

Отец и кузен одобрительно закивали. Против Лорен нет приема.

Глава 3. Джон

Мишель настолько красива, что у него что-то защемило в груди. Завтра у него день рождения. Тридцать семь. Наверное, он слишком стар для таких волнений. Тем более в его жизни их хватило с лихвой.

Остановись, Джон. Мишель горяча, безусловно, но не для тебя. Она младше на двенадцать лет и, что очень важно, верна другому мужчине.

Это он все понимал. Но дыхание перехватило, в глазах потемнело, стоило увидеть эту роскошную богиню в красном шелковом платье до пола и черном меховом манто. Натуральный мех уступал блеску ее густых угольно-черных волос до талии, завитых крупными локонами. Яркие глаза цвета редчайших изумрудов пронзили в самое сердце похлеще острого ножа.

Если верить сказкам священника его итальянской родни, изумруд слетел с короны Люцифера при свержении с небес, а в дальнейшем из этого изумруда создали чашу Грааля.

Вот сейчас Джон смотрел в эти зеленые ангело-дьявольские глаза и верил всем возможным преданиям. Мишель — Грааль для него. Невероятно желанная, но недостижимая.

Сколько раз он пытался ухаживать за ней? Так часто стремился добиться ее расположения, что это уже переросло в рутину. И крепкую дружбу.

Он уже почти успокоился и начал воспринимать ее как обычную женщину. Красивую, но обычную.

Сейчас вся его сдержанность проходила жесткую проверку на прочность. Не ожидал увидеть ее при полном параде. Не ожидал своей реакции на нее. Ее духи с нотками гардении сбивали все мысли в кучу. А сочные томные губы, покрытые красной, в тон платью, помадой призывали к грехопадению.

Хорошо, что декольте не глубокое, но вырез на подоле платья легко компенсировал эту напускную скромность. В глубине декольте на ложбинке покоился медальон с изумрудом в виде слезы. Он уже видел подобный в семейном хранилище. Интересно, откуда он у нее?

— Как я выгляжу? — покрутилась Мишель перед ним возле машины. Джон открыл ей дверь представительского «Мерседеса», чтобы помочь аккуратно сесть и не испортить при этом наряд.

— Сногшибательно, — честно ответил Джон. Мысленно ругал себя за то, что голос понизился, но ничего не мог с собой поделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.